

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Суббота, 25-го декабря 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10177.

ДОМА.

Уже въ вагонѣ охвачивало какое-то радостное волнение.

Тонинъ бросился къ окну и смотрѣлъ. Знакомая пригородная мѣстечки. Все въ бѣломъ снѣгу. Бѣлые, беспорядочно разбросанные домики, бѣлые деревья, такія пушистыя и блестящія, словно елки съ зажженными свѣчами.

Такой просторъ и праздникъ у него въ душѣ! Вотъ-вотъ Рождество. Маскарады и танцы, и пѣсни. Какое счастье! Уже хочется танцевать. А сколько новыхъ разсказовъ объ университѣтѣ! Вѣдь теперь онъ уже настоящій студентъ. Такая важная тужурка на немъ, и усыки за время отсутствія изъ дома значительно отросли. Анеля будетъ смеяться. Она любить его, и онъ не будетъ болѣе съ нею такой робкій. Конечно, любить. Когда въ августѣ онъ уѣзжалъ, она ему даже цвѣты принесла на вокзалъ. Драгоценныя розы и гвоздики.

— Завтра же полечу къ тебѣ, Аня, шепчетъ Тонинъ, любуясь снѣжными полями. Каждый день буду приходить къ тебѣ, милая, я такъ скучалъ! Скорѣе, скорѣе увидѣть твое лицо, твою драгоценную фибурку, тонкую, какъ тростничекъ. Такъ рѣдко ты мнѣ писала, и я страдалъ... Я стану на колѣни и зацѣлу АNELИНЫ маленькия ручки. А губы! Зацѣлу АNELИНЫ губы. Буду цѣловать глаза съ бархатными рѣсницами и щеки, и лобъ, и золотые волосы. Ты же не сердишься? Будешь моей женкой? Не печальны АNELИНЫ губы? Не сердиты АNELИНЫ глаза? О, какъ бьется сердце отъ радости, моя милая дѣвушка!

Вотъ уже мелькаютъ угольные склады. Тише итие стучатъ колеса. Справа потянулись громадныя вывески. Тутъ и парфюмерія аптекарского магазина Голина, и строительная контора, и готовыя платья Адашева, сывновья котораго такіе непроходимые идіоты. Все знакомо, все мило и все, кажется, кричитъ: «Анеля близко, близко милая Анеля!»

Мадонна.

Съ картины недавно умершаго художника Людовика Кнауса.

Первою встрѣтила дома старая нянѣка Евдокія. Глазки слезятся, на носу комичная бородавка. Начала обнимать съ неразборчивымъ ласковымъ лепетомъ, и пахнуло отъ нея постнымъ масломъ,—видно, только что изъ кухни. И сразу почувствовалъ Миша, что здорово проголодался. Вышелъ отецъ, крѣпко и степенно поцѣловавъ. Осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, хлопнулъ по плечу и приказалъ накрывать на столъ.

— Иди, братъ, въ свою комнату. Все готово. Сбрось съ себя эту хламиду, помойся. Вещи потомъ разберешь.—Послѣ обѣда долгіе разговоры съ отцомъ. Они были друзьями. Старый Тонинъ зналъ, что молодой думаетъ жениться по переходу на слѣдующій курсъ, а молодой Тонинъ былъ увѣренъ, что старый ему будетъ только содѣйствовать.

Отецъ по-привычному развалился на диванѣ, закурилъ сигару и указательнымъ пальцемъ поглаживалъ баки. Задавалъ вопросы, слушалъ и добродушно мычалъ: „эге, эге“. Радовало старого, что у него такой степенный, разсудительный сынъ.

Потомъ такъ пріятно было Мишѣ побродить по комнатамъ, осмотрѣть старья, знакомыя вещи. Они, казалось, до сихъ поръ не вѣрили, что Миша уже выросъ, и напоминали ему повсюду о дѣтскихъ играхъ и гимназическихъ годахъ.

Такъ незамѣтно кончился день. Ужинали рано, чтобы Миша могъ хорошенечко отдохнуть. Потомъ отецъ отправился въ кабинетъ работать, а Миша спать. Все ужъ было готово въ его комнатѣ. Пострана кровать съ пухлыми подушками, на стулѣ чистое бѣлье, на красномъ коврикѣ туфли. Такъ все уютно. Ахъ, эта милая нянѣка! Все она успѣла сдѣлать, чемоданъ даже сама разобрала; вотъ и свѣчу на тумбочку поставила. Миша быстро раздѣлся и легъ. Такъ мягко—ни одна хозяйка не дастъ студенту такую кровать. Не толкаетъ въ бока, не скрипитъ, какъ старая телѣга. А одѣяло—одинъ восторгъ, натягиваешь его на себѧ—и, кажется, падаешь въ чьи-то миляя объятія.

Миша задулъ свѣчу и сразу заснулъ. Снилась Анеля въ бѣленѣкомъ платицѣ съ стрѣльчатыми лиліями на груди. Идетъ къ нему черезъ бѣлые снѣжныя поля и улыбается. Все бѣло и ясно кругомъ. Алыя губы дѣвушки, словно роза, упавшая на снѣгъ. «Анелька, Анелька!» кричитъ ей Миша,—«какъ я скучалъ за тобой!» Ближе и ближе дѣвушка, точно скользитъ она на лыжахъ по серебрянымъ полямъ. Потомъ, обнявшись, казалось, вошли они оба въ громадный и свѣтлый храмъ. Всюду мраморныя колонны, и между ними качаются серебряныя лампады, и много, много этихъ огней, точно упали на земли всѣ звѣзды...

Тонинъ позвонилъ и вздрогнулъ отъ волненія,

— Дома Анна Станиславовна?

— Пожалуйте.

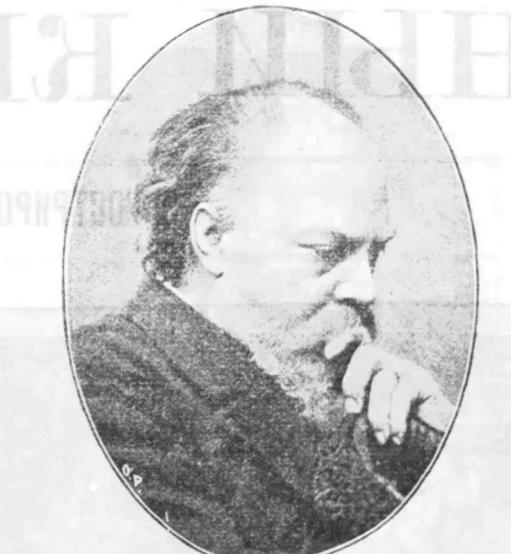
Вышла в залу Марья Степановна, мать Анели.

Такъ пріятно было услышать ея обращение: „Михаиль Сергеевич“. Была она, какъ всегда, въ кофточкѣ-распашонкѣ, пахла одеколономъ, и при каждомъ шагѣ позванивала ключами у пояса.

Говорили объ университетскомъ го-родѣ. Они очень интересовалъ Марью Степановну—третій гдѣ она собиралась поѣхать туда ради какой-то мудреной операции.

— У меня теперь много знакомыхъ, важно заявилъ Миша. Я бы вамъ все устроилъ.

— Ну вотъ, я такъ рада, голубчикъ. Взошла Ачеля. Они остались одни. Какая она прелестная и чуточку важная въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ круженными воротничкомъ на шейкѣ! Волосы повязала ленточкой и смотритъ, какъ принцесса. „Это оттого, съ горечью подумалъ Миша, что за ней инженеръ ухаживаетъ. мнѣ говорили“.

К. Г. Маковскій,

по случаю 50-лѣтія его художественной дѣятельности.

— Что такое?

— Я хочу сказать, что вы совершенно меня забыли...

— Можетъ быть. Иного вы не заслуживаете.

Миша попытался иронически улыбнуться.

— Живая собака лучше мертваго льва, сказалъ онъ, нервно теребя потухшую папириску,

— Ничего не понимаю. Нельзя ли яснѣй.

— Можно!—крикнулъ Миша, вставая. Я этимъ хотѣлъ сказать, что для современной дѣвушки законченный инженеръ, гораздо цѣннѣе студента, который еще будетъ инженеромъ.

— Вотъ какъ! Вы для этого пришли ко мнѣ?

Анеля поднялась и быстро вышла изъ комнаты.

„Какъ я глупъ, раскаивался Миша. Такъ безумно хотѣлъ ее видѣть, ноги ея цѣловать, смѣяться отъ радости—и вдругъ ревность. Обидѣль. Несутились оба, какъ глупыя дѣти. Смѣшно“.

Но когда вошла Елена, сестра Ачельки, веселая и бойкая гимназистка съ вздернутымъ носикомъ, —благоразуміе снова покинуло Мишу, и ему захотѣлось сдѣлать Анель что-нибудь непріятное.

— Я хочу пригласить васъ, Елена, сказалъ онъ, поѣхать съ нами кататься на тройкѣ. Цѣлая компанія, мои знакомые студенты и барышни устраиваютъ прогулку.

— Когда?

— Послѣ завтра, вечеромъ, отвѣтилъ Миша наугадъ и представляя себѣ, какъ Анеля нахмурится.

— Меня не пустятъ. Елена комично выпятила впередъ нижнюю губку и покачала головой.

— Я умоляю васъ. Мы все устроимъ превосходно.

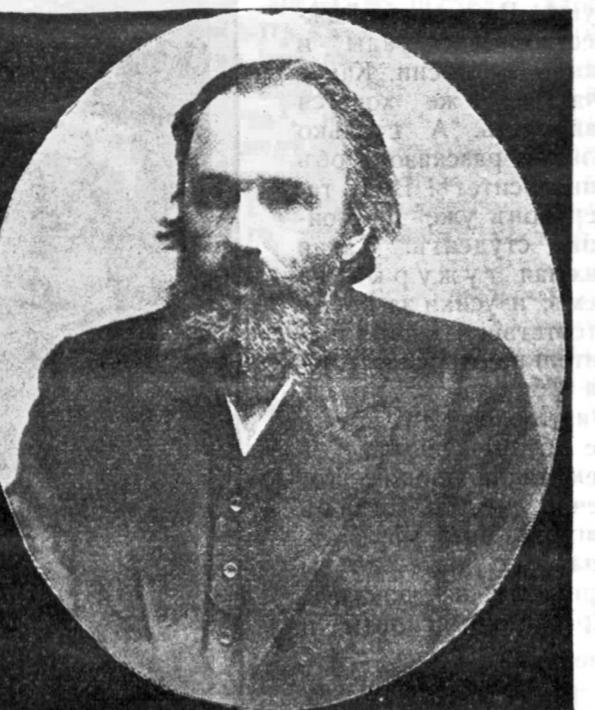
— А Анельку просили?

— Нѣть.

— Ага, ага, захлопала въ ладоши дѣвушка.—Все понимаютъ! Не успѣли увидѣться, уже поссорились.

Миша не сумѣлъ отвѣтить, совсѣмъ растерялся.

Повторилъ свое приглашеніе, важно раскланялся и ушелъ.

В. А. Караполовъ.

Членъ Государственной Думы.
Скончался 19 декабря.

На тонкихъ Анелиныхъ пальчикахъ кольца. совсѣмъ дама. Миша тоже напустилъ на себя важность. Медленно закурилъ папирису, заложилъ ногу за ногу и все таки чувствовалъ странную робость.

Заговорили о мелочахъ. Миша старался быть непринужденнымъ; Анеля тоже была такая, словно ее кто-то обидѣль. И вдругъ прорвалось:

— Ачеля, почему вы такъ мало мнѣ писали?

— А вы?

— Вы знаете, Анеля, какъ я люблю васъ, Я...

— Очень знаю, капризно перебила дѣвушка.

Миша насупился. Значить, правда то, что ему сообщили объ Анель...

— Вѣше мотчаніе теперь мнѣ понятно, едва выговорилъ онъ. Справа инженеръ, слѣва какой-нибудь акцизный чиновникъ...

Дома ему было необычайно тяжело. Даже превосходные нянини пирожки не могли его развлечь. Заперся Миша у себя въ комнатѣ и горько раздумывалъ.

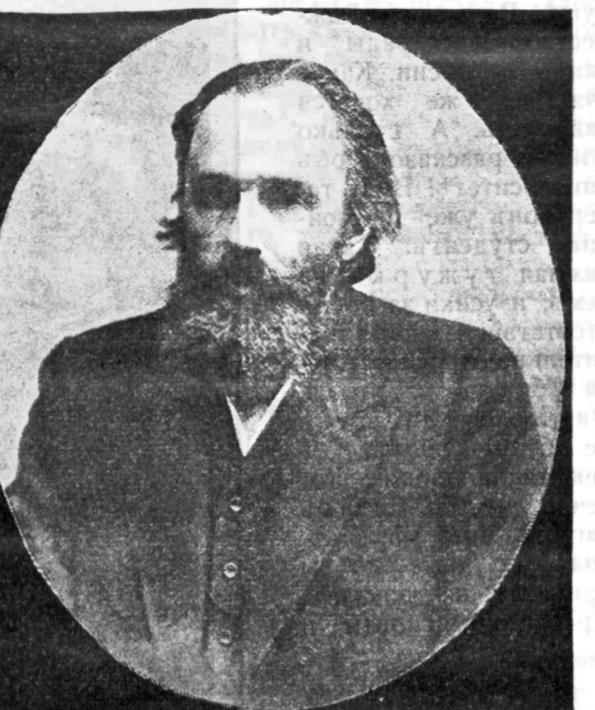
— Злая она, нехорошая. Совсѣмъ въ ламы записалась. Важная, надутая. Не любить... Къ чему тогда было цѣты на вокзалѣ приносить? Въ одномъ письмѣ даже писала о „нашемъ“ будущемъ. Нарочно устрою поѣздку на тройкахъ“.

Тяжелые часы провелъ Миша, и уже казалось, что рушится весь міръ, что все необычайно сѣро, скучно и грубо.

И вдругъ на слѣдующее утро каротенькая записка отъ Ани—просила прийти. Миша сразу забылъ все, принарядился и какъ сумасшедшій вылетѣлъ изъ дома.

Анеля сидѣла въ креслѣ, опустивъ голову на руки.

— Вы сердитесь, Анеля? Зачѣмъ вы такъ мучаете меня? Знаете, мнѣ даже

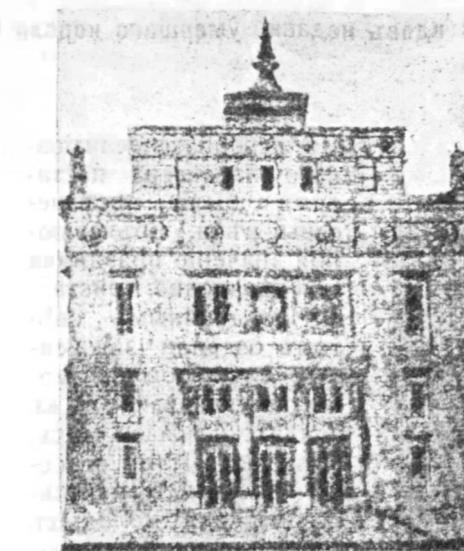
А. А. Мурскій,

артистъ Драматического театра. Къ исполнившемуся 17 декабря 25 лѣтію его сценической дѣятельности.

Старокатолические епископы.

Романъ Прухневскій, Янъ Ковальскій (администраторъ маріавитскихъ общинъ) и Левъ Голембовскій.

Фасадъ буддійского храма въ С.-Петербургѣ.

Рождественский сочельникъ въ Берлинѣ.

Нѣть никакой возможности подсчитать, сколько разукрашенныхъ и переливавшихъ разноцвѣтными огнями фонарей. Говарили о будущемъ, прижимаясь другъ къ другу и тихо смѣясь отъ общей радости, точно молодые заговорщики.

А когда Миша вернулся домой, то расцѣловалъ старую нянью, расцѣловалъ отца. „Анеля по прежнему любить его“.

Убѣжалъ къ себѣ, бросился на постель и долго не могъ заснуть. Вся земля представлялась бѣлой и радостной, и казалось, что вся земля принадлежитъ ему и Анель. Все бѣло, нигдѣ ни одной черной крапинки, и онъ вѣрилъ, что они сдѣлаютъ вдвоемъ прекрасную, свѣтлую жизнь.

Какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Для первыхъ елки были съ игруш-

ля. Ея глазки заскрипали, губы дрогнули, и сразу понялъ Миша, что сейчасъ она заплачетъ, что она любить его.

— Анеля, моя любимая Анеля, прошепталъ онъ, бросился на колѣни передъ дѣвушкой, ловилъ ея маленькия руки и жадно цѣловалъ ихъ.

— Какъ я рвался къ тебѣ, Анеля! Ну не сердись же. мнѣ было такъ больно. Казалось, ты совсѣмъ забыла... Я готовъ былъ плакать. Только о тебѣ и мечталъ. Вѣхъ сюда и спрашивалъ у неба и у бѣлой земли—не печальны ли Анелины глаза? Улыбаются ли Анелины губы... Ну скажи мнѣ одно коротенькое слово... Любишь меня? Ну, скажи.

Маленькия руки сначала вырывались, а потомъ стали покорными.

— Ты не хотѣла пригласить меня... Злой! Тебя испортили!

— Анелинка, никакой тройки нѣть. Я все соглашалъ...

— Когда пришелъ, былъ такой холодный... не поцѣловалъ даже мнѣ руку...

— Я же ничего не зналъ, Анеля. Ты показалась мнѣ такой строгой, такой важной, чужой...

Дѣвушка разсмѣялась и склонилась къ нему.

— Люблю, милый, люблю. Я очень скучала.

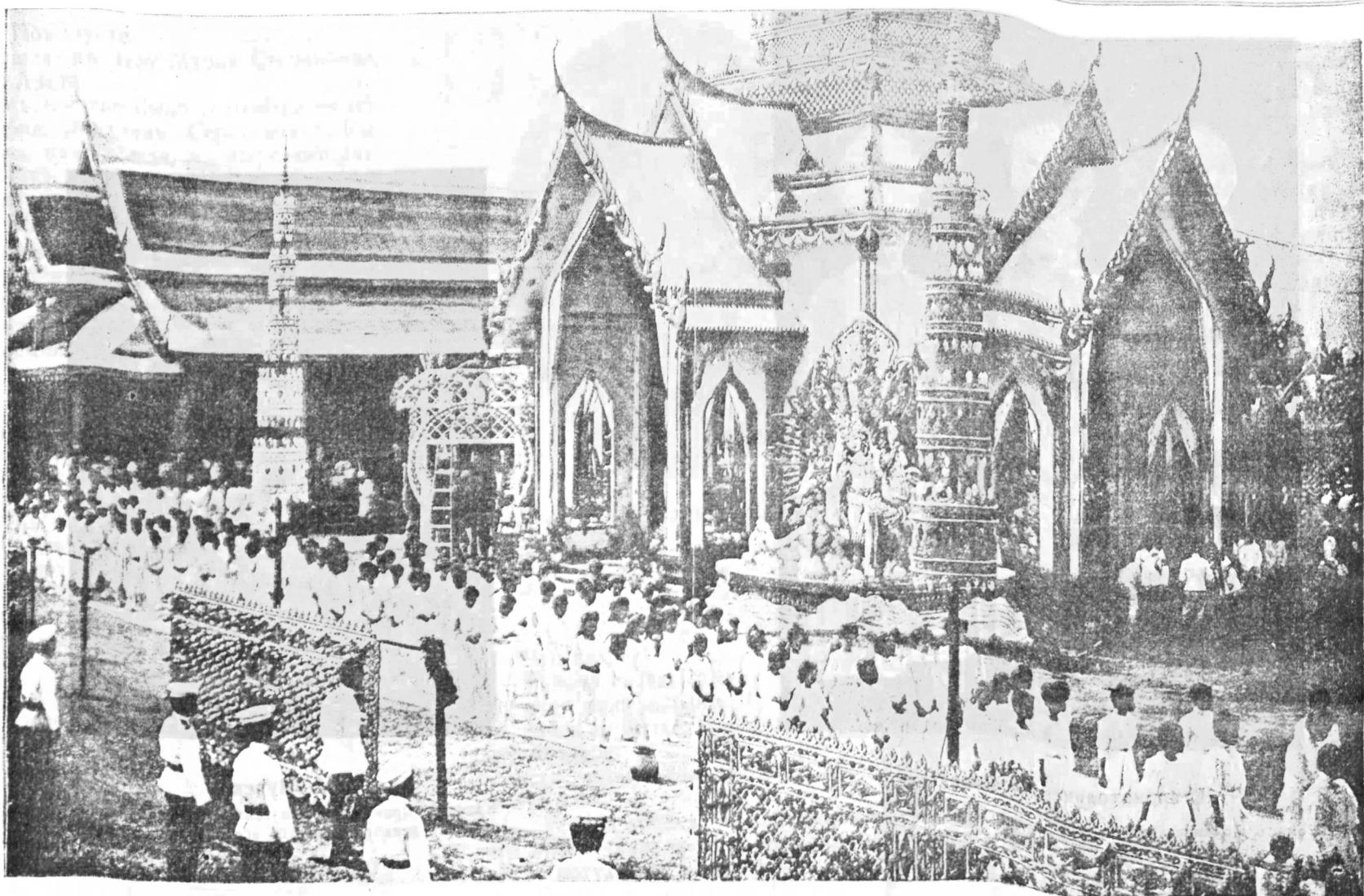
Она гладила его волосы своими маленькими ручками.

— Ну конечно. Мальчишеская компания не для васъ!

— Вы правы.

— Носите кольца на каждомъ пальце. Напыжились, какъ тридцатилѣтняя дама. Вамъ пора уже на автомобильѣѣздить и завести пару болонокъ.

— Молчите!—крикнула вдругъ Ан-

Кортежъ 600 вдовъ недавно умершаго короля Сиама.

Новый денщикъ.

„Одинъ или два куска положить вамъ?“
„Flieg. Bl.“

ками, для вторыхъ—съ соответствующими подарками.

Въ нѣкоторыхъ больничныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, въ городскомъ госпиталѣ Шарлоттенбурга, гдѣ число больныхъ доходитъ до 1,800 человѣкъ, врачами-прогрессистами были устроены нѣсколько елокъ въ разныхъ палатахъ, гдѣ лежатъ больные. Врачебный персоналъ больницы лично присутствовалъ, раздавая подарки.

Въ ферейнахъ религіознаго характера пасторами были произнесены рѣчи, объясняющія значение праздника дня Младенца-Христа.

Праздничнымъ свѣтомъ озарили зажженныя елки обычно монотонную жизнь и въ солдатскихъ казармахъ, гдѣ елки были устроены военнымъ начальствомъ для молодыхъ солдатъ, не пользующихся отпускомъ. Ротные командиры и унтеръ-офицеры, присутствуя на солдатскихъ елкахъ, обратились съ привѣтствіями къ своимъ командамъ.

Студенчество пировало въ своихъ кнейпахъ.

Рестораны Берлина были въ этотъ вечеръ переполнены, и почти въ каждомъ изъ этихъ ресторановъ горѣли нарядныя елки.

Въ огромныхъ залахъ дворца императора въ 5 часовъ вчера горѣлъ цѣлый рядъ роскошныхъ елокъ: большихъ—для взрослыхъ и приглашенныхъ гостей и маленькихъ—для дѣтей и внучатъ императора. Особыя елки были устроены и для дворцового караула.

По опыту.

— Скажи, папа, эта машина работаетъ даже и тогда, когда на нее никто не смотритъ?

„Flieg. Bl.“

ЦИНКОГРАФІЯ
„Южного Края!“

Харьковъ. Сумская, 13.

принимаетъ заказы на всевозможнаго рода клише.